

*Научная статья**Научная специальность**5.1.4 «Уголовно-правовые науки»*

УДК 343.21

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2023.4.85>

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С КОРПОРАТИВНЫМИ ЗАХВАТАМИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ). ЧАСТЬ 2

© **Орешкин М. И., 2023**

Коллегия адвокатов «Оптимум», г. Иркутск, Россия

Рассматриваются отдельные проблемы применения норм уголовного права в сфере противодействия «рейдерским захватам». Приведен краткий анализ диспозиций ч. 1 ст. 170.1 и ч. 1 ст. 185.5 Уголовного кодекса РФ, а также частей 4 и 5 ст. 14.25 Кодекса РФ об административных правонарушениях. Обращено внимание на отдельные недостатки конструкции составов преступлений и противоречия, возникающие в правоприменительной деятельности. Обобщена судебная практика по уголовным делам, рассмотренным по указанным статьям, различных регионов России, приведены выдержки из приговоров судов и судебных актов апелляционной и кассационной инстанций. Затронуты проблемы квалификации общественно опасных посягательств, совершенных с целью захвата управления организациями, и их конкуренции со смежными составами преступлений и административных правонарушений. Приведены точки зрения некоторых научных и практических работников по вопросам темы и выражена личная позиция автора по решению возникших проблем с целью избежать ошибок в правоприменительной практике.

Ключевые слова: рейдерский захват, преступления в сфере экономической деятельности, ст. 170.1, 185.5 УК РФ и ст. 14.25 КоАП РФ, фальсификация решений, органы управления юридического лица, заведомо ложные сведения, единый государственный реестр, мошенничество в сфере корпоративного управления, момент окончания преступления.

SOME PROBLEMS OF QUALIFYING CRIMES RELATED TO CORPORATE TAKEOVERS (BASED ON JUDICIAL PRACTICE). PART 2

© **Oreshkin M. I., 2023**

Association "Optimum", Irkutsk, Russian Federation

The article examines certain problems of applying criminal law in the field of countering "raider takeovers". A brief analysis of the dispositions of part one of article 170.1 and part one of article 185.5 of the Criminal Code, as well as parts 4 and 5 of article 14.25 of the Code of Administrative Offenses of Russia is provided. Attention is drawn to certain shortcomings in the design of crimes and contradictions that arise in law enforcement activities. The judicial practice in criminal cases considered under these articles in various regions of Russia is summarized, and excerpts from court verdicts and judicial acts of the appellate and cassation instances are given. The problems of qualification of socially dangerous attacks committed with the aim of seizing control of organizations, and their competition with related crimes and administrative offenses are touched upon. The points of view of some scientific and practical workers on the topic are given and the author's personal position on solving the problems that have arisen is expressed in order to avoid mistakes in law enforcement practice.

Keywords: raider takeover, crimes in the field of economic activity, articles 170.1, 185.5 of the Criminal Code of the Russian Federation and art. 14.25 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, falsification of decisions, governing bodies of a legal entity, knowingly false information, unified state register, fraud in the field of corporate governance, the end of the crime.

В предыдущей публикации был приведен краткий анализ положений ч. 1 ст. 170.1 и ч. 1 ст. 185.5 УК РФ и рассмотрены ряд проблем применения норм уголовного права в сфере противодействия «рейдерским захватам» [3]. В настоящей статье будет продолжен анализ материалов судебной практики по данной категории уголовных дел.

Одна из насущных проблем при квалификации противоправных деяний, связанных с фальсификацией единого государственного

реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета (ст. 170.1 УК РФ¹), – конкуренция данной статьи с ч. 4, 5 ст. 14.25 КоАП² РФ, предусматривающими административную ответственность за нарушение законодательства о государственной

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 15.03.2023) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Зачастую к моменту принятия решения о возбуждении уголовного дела по ст. 170.1 УК РФ уже имеется возбужденное административное дело по ч. 4 или 5 ст. 14.25 КоАП РФ, в связи с чем неизбежно возникает необходимость определиться, административную или уголовную ответственность должно нести виновное лицо либо эти два вида ответственности не исключают друг друга.

В научной среде единообразного подхода в разрешении данной проблемы не наблюдается. Отдельные авторитетные специалисты в области уголовного права справедливо указывают на коллизию межотраслевых норм, полагая, что диспозиции статей уголовного и административного кодексов во многом схожи, что в ряде случаев стирает грань между сферами применения ч. 1 ст. 170.1 УК РФ и ч. 4 ст. 14.25 КоАП РФ [2, с. 56; 4, с. 18].

Вместе с тем изучение многочисленных судебных решений разных инстанций позволяет констатировать, что все доводы защиты в части необходимости прекращения уголовных дел, в связи с наличием признаков административного правонарушения, отклонялись как необоснованные и несостоятельные, что представляется правильным и справедливым¹.

Отдельного внимания заслуживает правовая позиция, изложенная в кассационном определении судебной коллегии по уголовным делам Волгоградского областного суда от 4 апреля 2013 г. по делу № 22-1547/2013, в котором суд указал, что ссылка в кассационной жалобе на то, что в действиях Гребенникова А. И. содержится административное правонарушение, предусмотренное ч. 4 ст. 14.25 КоАП РФ, является несостоятельной, так как ответственность по указанной статье несут должностные лица, находящиеся в трудовых отношениях, выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции. Как установлено, Гребенников А. И. был уволен 25 октября 2011 г. с должности генерального директора и, следова-

тельно, не является субъектом административной ответственности².

Действительно, несмотря на схожесть диспозиций ч. 4 и 5 ст. 14.25 КоАП РФ и ст. 170.1 УК РФ, санкции за административные правонарушения предусмотрены лишь для должностных лиц, что позволяет говорить о том, что физическое лицо административной ответственности подвергнуто быть не может, а следовательно, может быть привлечено к уголовной ответственности при наличии к тому законных оснований. Подобная дифференциация представляется не вполне логичной с точки зрения принципа равенства, что лишней раз указывает на недостатки законодательных конструкций и юридической техники.

Проблема разграничения административной и уголовной ответственности красноречиво представлена на примере вышеуказанных норм. Основным критерием их разграничения принято считать степень общественной опасности деяния. Но в практической плоскости данный критерий трудно применим и реализуем. Так, автору настоящего исследования не удалось встретить ни одного судебного решения о прекращении уголовного дела по ст. 170.1 УК РФ на основании ч. 2 ст. 14 УК РФ – малозначительность деяния (отсутствие состава преступления) за все время действия данной нормы, начиная с 2010 г. В связи с этим трудно не согласиться с П. А. Григорьевым, который, проанализировав нормы ч. 4 и 5 ст. 14.25 КоАП РФ и ст. 170.1 УК РФ и практику их применения, пришел к выводу, что оценка общественной опасности никогда не будет избавлена от субъективных воззрений отдельных работников следствия, дознания и суда, занимающихся официальной квалификацией противоправного поведения [1, с. 68].

В контексте проведенного исследования хотелось бы затронуть актуальный вопрос, имеющий значение для разных сфер уголовно-правового регулирования: «Исключает ли уголовную ответственность факт привлечения лица к административной ответственности за одно и то же деяние?» Ответ на данный вопрос неоднозначно решается в практической деятельности, зависит от конкретных обстоятельств дела.

Согласно позиции Европейского суда по правам человека, выраженной в постановлении по делу «Сергей Золотухин против Российской Федерации» (Страсбург, 10 февраля 2009 г.), положения данной статьи подлежат применению как в уголовном производстве, так и в производстве по делам об административных правонарушениях

¹ См.: Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 30 августа 2023 г. по делу № 7У-6412/2023[77-2563/2023] // КонсультантПлюс : справочная правовая система; Апелляционное постановление Апелляционного суда г. Севастополя от 28 марта 2018 г. по делу № 22-133/2018 // КонсультантПлюс : справочная правовая система; Постановление Верховного Суда Республики Татарстан от 1 апр. 2014 г. по делу № 22-1891 // КонсультантПлюс : справочная правовая система; кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Тульского областного суда от 19 сентября 2012 г. по делу № 22-1843 // КонсультантПлюс : справочная правовая система; Апелляционное постановление Арсеньевского городского суда Приморского края от 13 июля 2018 г. по делу № 10-9/2018 // КонсультантПлюс : справочная правовая система и др.

² См.: Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Волгоградского областного суда от 4 апр. 2013 г. по делу № 22-1547/2013 КонсультантПлюс : справочная правовая система.

ниях; ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод должна толковаться как запрещающая преследование или предание суду за второе преступление (правонарушение), если они вытекают из идентичных фактов или фактов, которые в значительной степени являются теми же»¹. Применительно к фальсификации сведений из единого государственного реестра юридических лиц, т. е. составу преступления, предусмотренному ст. 170.1 УК РФ, позиция Верховного Суда России совпадает с вышеизложенным подходом².

Рассматривая проблемы квалификации рейдерских захватов, необходимо отметить, что законодатель предусмотрел специальные цели совершения указанных преступлений. В диспозиции ч. 1 ст. 170 УК РФ указано на две альтернативные цели: внесения в единый государственный реестр юридических лиц недостоверных сведений либо иную цель, направленную на приобретение права на чужое имущество. В ст. 185.5 УК РФ обязательное квалифицирующее значение имеет цель незаконного захвата управления в юридическом лице. Наличие схожих специальных целей в ч. 1 ст. 170 и ст. 185.5 УК РФ, связанных со стремлением виновного лица приобрести право на чужое имущество и незаконным захватом управления в юридическом лице, соответственно, позволяет относить данные составы преступлений к рейдерским захватам.

Изучение материалов судебной практики позволяет прийти к выводу, что сложности в квалификации по субъективной стороне этих составов преступлений большей частью обусловлены недостатками законодательной конструкции, изложенной в ч. 1 ст. 170 УК РФ. Выделение самостоятельной цели внесения в соответствующие реестры недостоверных сведений при представлении в компетентные органы документов, содержащих заведомо ложные данные, представляется излишним. Трудно даже представить иную ситуацию, при которой предоставление сфальсифицированных документов в государственные регистрационные органы автоматически не подразумевало бы желание виновного лица внести ложные сведения в соответствующие реестры. Можно с определенной уверенностью утверждать, что эти действия всегда совершаются с указанной целью, в связи с чем возникает

закономерный вопрос: «Зачем выделять вторую альтернативную цель – приобретение права на чужое имущество?» По сути, вторая цель является вспомогательной, факультативной, в отличие от первой. Констатация в действиях виновного лица цели приобретения права на чужое имущество подразумевает существование и цель внесения в государственный реестр недостоверных сведений, о чем свидетельствуют все изученные автором материалы судебной практики.

В ходе одного судебного разбирательства защита пыталась оспорить обвинительный приговор суда по ч. 1 ст. 170.1 УК РФ на том основании, что судом неправильно применен уголовный закон, поскольку орган следствия не вменил осужденному цель, направленную на приобретение права на чужое имущество. Между тем, по мнению защиты, именно этот признак отличает уголовное преступление от административного правонарушения. Отклоняя доводы защиты, судебная коллегия отметила, что субъективная сторона этого преступления характеризуется прямым умыслом, поскольку в ней указано на две альтернативные цели и наличие в действиях осужденного одной из них является достаточным для констатации его виновности³.

Определенные сложности вызывает вопрос о моменте окончания преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 170.1 УК РФ. Согласно диспозиции указанной статьи состав преступления является формальным и преступление считается оконченным с момента представления в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, или в организацию, осуществляющую учет прав на ценные бумаги, документов, содержащих заведомо ложные сведения. Но что понимать под предоставлением документов в регистрационный орган? Анализ материалов судебной практики позволяет сделать вывод о том, что суды в основном правильно связывают момент окончания преступления с днем подачи (регистрации) заявления в налоговых органах о внесении изменений в ЕГРЮЛ, вне зависимости от даты внесения (регистрации) таких изменений государственным органом⁴.

³ См.: Постановление Верховного Суда Республики Татарстан от 1 апр. 2014 г. по делу № 22-1891 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

⁴ См.: Апелляционное постановление Ленинского районного суда г. Ижевска Удмуртской Республики от 5 фев. 2021 г. по делу №10-2/2021 // КонсультантПлюс : справочная правовая система; Апелляционное постановление Евпаторийского городского суда Республики Крым от 19 окт. 2021 г. по делу № 10-11/2021 // КонсультантПлюс : справочная правовая система; Апелляционное постановление Кировского районного суда Приморского края от 22 ноября 2019 г. по делу № 10-6/2019 // КонсультантПлюс : справочная правовая система и др.

¹ См.: Дело «Сергей Золотухин против России» [Sergey Zolotukhin v. Russia] (жалоба № 14939/03) (Большая Палата) : постановление Европейского Суда по правам человека от 10 фев. 2009 г. // Бюл. Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2010. № 1.

² См.: Постановление Верховного Суда РФ от 24 января 2019 г. № 6-АД18-4 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. Аналогичный вывод содержится в Постановлении Верховного Суда Республики Татарстан от 27 марта 2018 г. № 4а-571/2018 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

Вместе с тем в судебной практике встречаются и иные подходы в установлении момента окончания преступления. Так, признавая виновным Нагайского В. И. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 170.1 УК РФ, мировой судья и суд апелляционной инстанции указали, что моментом окончания преступления является 2 февраля 2016 г. – дата внесения сведений в ЕГРЮЛ, несмотря на то, что заявление последнего в органы ИФНС поступило и было зарегистрировано раньше – 26 января 2016 г.¹ Стоит заметить, что при схожих обстоятельствах дела другой суд апелляционной инстанции, изменяя обвинительный приговор суда, указал, что мировой суд ошибочно включил в описательно-мотивировочную часть приговора вывод о том, что инкриминированное Хренову Б. А. преступление было окончено 29 сентября 2017 г., т. е. только после того, как налоговый орган внес в ЕГРЮЛ запись, что полномочия председателя правления СНТ «Мирное» возложены на Хренова Б. А. Апелляционный суд моментом окончания преступления определил 22 сентября 2017 г. – день получения налоговым органом соответствующего заявления от виновного лица для внесения изменений в ЕГРЮЛ и пояснил, что инкриминируемые преступные действия сами по себе не являются фальсификацией ЕГРЮЛ, а лишь направлены на достижение предусмотренной в ч. 1 ст. 170.1 УК РФ цели, но при этом не предусматривают наступление последствий в виде внесения регистрирующим органом недостоверных сведений в ЕГРЮЛ в качестве обязательного признака объективной стороны данного состава преступления².

В другом уголовном деле суд исходил из того, что заявление о внесении изменений в ЕГРЮЛ является юридически значимым документом, на основании которого принимается решение об изменении данных соответствующих реестров. Преступление, по мнению суда, считается оконченным с момента представления документа лично или через представителя, сдачи документов в почтовую организацию или иную службу доставки³.

Спорной, но заслуживающей внимания представляется следующая позиция мирового

и районного судов Мотовилихинского района г. Перми. Согласно ст. 9 Федерального закона № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»⁴ представление документов в регистрирующий орган может быть осуществлено по просьбе заявителя нотариусом. В соответствии с ранее действовавшим Приказом Федеральной налоговой службы от 12 октября 2020 г. № ЕД-7-14/743@ «Об утверждении Порядка взаимодействия с регистрирующим органом при направлении документов, необходимых для государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, в форме электронных документов, а также требований к формированию таких электронных документов»⁵ направление в регистрирующий орган электронных документов, необходимых для регистрации, осуществляется нотариусом – с использованием интернет-сервиса, размещенного на сайте ФНС России, или с использованием системы межведомственного электронного взаимодействия и подключенной к ней единой информационной системы нотариата. Гачегова Е. Н. обвинялась в том, что в помещении кабинета нотариуса предъявила ей заявление о внесении изменений в сведения о юридическом лице, содержащиеся в ЕГРЮЛ по форме Р 14001, и протокол общего собрания членов правления ТСЖ «Юность», была предупреждена нотариусом об ответственности за предоставление в регистрирующий орган недостоверных сведений. После чего обратилась к нотариусу с заявлением о передаче в МИФНС России по Пермскому краю заявления о внесении изменений в сведения о юридическом лице, содержащиеся в ЕГРЮЛ, что последняя и сделала. При этом, как отметил апелляционный суд, нотариус не является органом, осуществляющим государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, но является участником взаимодействия с территориальными органами Федеральной налоговой службы при направлении документов, необходимых для государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, в форме электронных документов. Поэтому в данном

¹ См.: Апелляционное постановление Арсеньевского городского суда Приморского края от 13 июля 2018 г. по делу № 10-9/2018 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

² См.: Апелляционное постановление Дзержинского районного суда г. Оренбурга Оренбургской области от 12 сентября 2019 г. по делу № 10-32/2019 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

³ См.: Постановление Ишимбайского городского суда Республики Башкортостан от 31 мая 2012 г. по делу № 10-27/2012 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

⁴ О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : федер. закон от 8 августа 2001 № 129-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3431.

⁵ Об утверждении Порядка взаимодействия с регистрирующим органом при направлении документов, необходимых для государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, в форме электронных документов, а также требований к формированию таких электронных документов : приказ ФНС России от 12 октября 2020 N ЕД-7-14/743@ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

случае преступление считается оконченным с момента представления документов нотариусу для направления в регистрирующий орган¹.

В судебной практике встречаются достаточно нетипичные ситуации. Например, Московский городской суд, отменяя приговор Останкинского районного суда г. Москвы от 27 января 2015 г. и оправдывая Стадник О. Е. по обвинению в части мошенничества, указал, что нежилое помещение, относящееся к предмету хищения, было приобретено в период брака со Стадник О. Е., а впоследствии продано обществу с целью осуществления семей предпринимательской деятельности и получения доходов от сдачи его в аренду. Поскольку создание общества и продажа нежилого помещения были совершены в интересах семейного бизнеса и получения общих доходов и по смыслу действующего законодательства включаются в состав общего имущества супругов, то спор о праве на это имущество относится к сфере гражданско-правовых отношений и действия осужденной не образуют состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. Вместе с тем действия Стадник при представлении в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, документов, содержащих заведомо ложные данные, в целях внесения в ЕГРЮЛ недостоверных сведений были совершены с целью получения возможности управлять обществом, поэтому эти действия способом совершения мошенничества не являются, вследствие чего, вопреки доводам жалобы осужденной, они правильно квалифицированы по ч. 1 ст. 170.1 УК РФ².

Если преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 170.1 УК РФ и ч. 1 ст. 185.5 УК РФ, слагаются из нескольких действий, но направлены на достижение единого преступного результата, совершены без значительного разрыва во времени, то деяния должны признаваться продолжаемыми преступлениями. Так, судебная коллегия по уголовным делам Челябинского областного суда не согласилась с квалификацией действий Сорокина С. Н. по ч. 1 ст. 170.1 УК РФ и по ч. 1 ст. 185.5 УК РФ за совершение двух преступлений, поскольку его действия являются продолжаемыми, в отношении одного и того же потерпевшего, одного и того же объекта преступления. Таким образом, фальсификация едино-

го государственного реестра юридических лиц, совершенная Сорокиным С. Н. сначала в июле 2010 г. до 19 числа, а затем в период с 19 июля до 5 августа того же года, охватывается единой квалификацией по ч. 1 ст. 170.1 УК РФ. Равно как и фальсификация решений общего собрания участников хозяйственного общества, совершенная в те же периоды, охватывается единой квалификацией по ч. 1 ст. 185.5 УК РФ³.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорьев П. А. Фальсификация Единого государственного реестра юридических лиц: преступление или административное правонарушение? // Законодательство. 2023. № 8. С. 63–68.
2. Лясколо А. Н. Квалификация корпоративных (рейдерских) захватов: вопросы применения ст. 159 и 170.1 УК РФ // Уголовное право. 2017. № 3. С. 48–56.
3. Орешкин М. И. Некоторые проблемы квалификации преступлений, связанных с корпоративными захватами (по материалам судебной практики). Часть 1 // Сибирский юридический вестник. 2022. № 4 (99). С. 75–80. DOI 10.26516/2071-8136.2022.4.75.
4. Яни П. С. Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц – имущественное преступление? // Законность. 2012. № 12. С. 15–18.

REFERENCES

1. Grigoriev P.A. Fal'sifikaciya Edinogo gosudarstvennogo reestra yuridicheskikh lic: prestuplenie ili administrativnoe pravonarushenie? [Falsification of the Unified State Register of Legal Entities: a crime or an administrative offense?]. *Zakonodatel'stvo* [Legislation], 2023, no. 8, pp. 63-68. (in Russian)
2. Lyaskalo A.N. Kvalifikaciya korporativnykh (rejderskikh) zahvatov: voprosy primeneniya st. 159 i 170.1 UK RF [Qualification of corporate (raider) takeovers: issues of application of Art. 159 and 170.1 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], 2017, no. 3, pp. 48-56. (in Russian)
3. Oreshkin M.I. Nekotorye problemy kvalifikacii prestuplenij, svyazannykh s korporativnymi zahvatami (po materialam sudebnoj praktiki). CHast' 1 [Some problems of qualifying crimes related to corporate takeovers (based on judicial practice). Part 1]. *Sibirskij yuridicheskij vestnik* [Siberian Law Herald], 2022, no. 4(99), pp. 75-80. DOI 10.26516/2071-8136.2022.4.75. (in Russian)
4. Yani P.S. Fal'sifikaciya edinogo gosudarstvennogo reestra yuridicheskikh lic – imushchestvennoe prestuplenie? [Is falsification of the unified state register of legal entities a property crime?]. *Zakonnost'* [Legality], 2012, no. 12, pp. 15-18. (in Russian)

Статья поступила в редакцию 05.09.2023; одобрена после рецензирования 15.10.2023; принята к публикации 10.11.2023

Received on 05.09.2023; approved on 15.10.2023; accepted for publication on 10.11.2023

Орешкин Максим Иванович – кандидат юридических наук, руководитель, коллегия адвокатов «Оптимум» Иркутской области (Россия, 664025, г. Иркутск, ул. Ярославская Гашека, 2), ORCID: 0009-0005-5604-7902, RINЦ AuthorID: 1169793, e-mail: morebaik@yandex.ru

Oreshkin Maksim Ivanovich – Candidate of Juridical Sciences, Head, Bar Association "Optimum" of the Irkutsk region (2, Yaroslav Hasek st., Irkutsk, 664025, Russian Federation), ORCID: 0009-0005-5604-7902, RSCJ AuthorID: 1169793, e-mail: morebaik@yandex.ru

¹ См.: Апелляционное постановление Мотовилихинского районного суда г. Перми Пермского края от 23 декабря 2020 г. по делу № 10-44/2020 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

² См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 20 апреля 2015 г. по делу № 10-4192/15 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

³ См.: Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Челябинского областного суда от 1 ноября 2011 г. по делу № 22-10832/2011 // Советский районный суд города Челябинска : официальный сайт. URL: https://sovetsky.chel.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=2849 (дата обращения: 15.12.2023).